

18+

Лория Попова

*Зазеркалье, или
дождь смывает
все следы*

Лория Попова
Зазеркалье, или Дождь
смывает все следы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33169775
ISBN 9785449082077

Аннотация

Молодая женщина проходит тяжелый путь испытания жизнью. Ей приходится сталкиваться с большими проблемами и при этом оставаться порядочным человеком.

Содержание

ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	15
ГЛАВА 5	18
ГЛАВА 6	20
ГЛАВА 7	24
ГЛАВА 8	28
ГЛАВА 9	32
ГЛАВА 10	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Зазеркалье, или Дождь смывает все следы

Лория Попова

© Лория Попова, 2018

ISBN 978-5-4490-8207-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛОРИЯ ПОПОВА

**ЗАЗЕРКАЛЬЕ,
ИЛИ
ДОЖДЬ СМЫВАЕТ
ВСЕ СЛЕДЫ**

ПОВЕСТЬ

ГЛАВА 1

Обедали молча. Отец, медленно пережевывая пищу, по привычке смотрел в одну точку. Мама бросала искоса хмурые взгляды на бывшего супруга, а я, маленькая шестилетняя Анжелка старательно копировала отца, толкая под столом свою старшую сестру. Вера не отвечала на мои толчки и гримасы, ее глаза не поднимались от тарелки.

Прощальный обед с отъезжающим отцом подходил к концу. Грачев встал из-за стола, выйдя во дворик, поклонился нашему старому деревянному дому, сказав как-то по старомодному:

– Прощай, дом родной!

Вера всхлипнула. Закинув на плечо мешок со своими пожитками (ну, не было у отца чемодана) он быстро вышел на улицу.

– Анжелка, беги за ним на вокзал и будь там, пока он не сядет в поезд! – приказала мне мама.

Я побежала догонять отца.

На вокзале я не знала куда себя деть. Отец подсел к двум каким-то дядькам и, покуривая, завел с ними бессмысленный вокзальный разговор. Я съела одно мороженное, потом – второе и еле-еле – третье, а отец все не уезжал, продолжал всё вести беседу. Тогда, я незаметно прошмыгнула из здания вокзала на улицу и побежала назад.

Дома мама гладила белье.

– Ну что, проводила отца? – спросила она.

– Нет. Не дождалась поезда. Но билет он на него купил! -отрапортовала я, устраиваясь поудобнее на старом диване и вертя в руках яркую книжку с картинками.

Единственной дорогой мебелью в нашем доме был черный рояль. Моя старшая сестра Вера училась в музыкальной школе. Родители после долгих споров всё же купили ей эту громадину. Ещё, в трех небольших комнатах нашего дома, стояли две скрипучие железные кровати, ветхий диван, из которого повылазили почти все пружины, четыре деревянных стула и круглый стол, который однажды стал почти как раскладывающийся: это пьяный папа шарахнул в сердцах по нему топором.

Если папа не пил, он мог приготовить очень вкусные котлеты, соломкой пожарить картошку и даже испечь пирог. А по выходным дням отец брал нас, дочерей, на футбол. Когда мы втроем шли в первый раз на стадион, папа просил называть его при людях братиком Зозиком. Объясняя нам, что все его знакомые удивляются, что у него, у такого молодого мужчины, уже такие большие дети. Я смеялась и говорила, что буду теперь всегда называть его братиком Зюзиком, а не Зозиком...

Когда у отца начинались запои, я с мамой и сестрой переходили жить к знакомым или родственникам. Потом папа переставал пить и звал нас обратно домой, обещая больше

никогда не прикасаться к спиртному. Мы верили и возвращались до следующего папиного запоя.

А теперь, вот, отец развелся с мамой и уехал от нас навсегда.

Вздыхнув, я захлопнула веселенькую книжку.

– Пойду погуляю, – сказала я матери.

Та только кивнула головой.

На улице подружка Оля, катая в коляске младшего братишку, сообщила новость – соседний дом, что рядом с конторой, остался без хозяев. Старые хозяева выехали, а новые еще не вселились.

– Давай тогда сходим за Вадькой, – предложила я, – он говорил, что на чердаке этого дома есть какой-то старинный сундук.

– Ух ты, здорово! – захопала в ладоши Оля. – Подожди, я только отведу брата домой.

На чердаке было темно и душно. Всюду висела длинная паутина и роились осы. Облазив весь чердак, мы так ничего и не нашли.

– Вадька, где же старинный сундук? – строго спросила Оля. – Опять наврал!

– Да нет, честное слово, – от бабки-соседки слышал... Если не верите – сейчас перекрещусь! – сказал Вадик и тут же быстро перекрестился.

– Эх Вадька, Вадька, мало мы тебя бьем, – покачала головой я.

– Что ты, Анжелочка, гореть мне в геенне огненной, если лгу!

И Вадик опять перекрестился.

– Пошли домой, – разочарованно сказала Ольга.

– Да постой ты! – перебил ее Вадик. – Смотри, какие красивые цветы растут в огороде. Он же теперь ничей! Давайте выкопаем и посадим у вас на клумбе эти цветочки!

– Ладно, – решила Оля, – но только быстро нарвать и немного.

Первым перелез через палисадник в чужой огород Вадик, потом Оля, а следом и я. Инициатор грабежа начал трусить яблоню, а мы с подружкой палочками принялись осторожно выкапывать цветы для пересадки их в Олину клумбу. И тут, откуда не возьмись, появилась какая-то тетка на костылях. Размахивая поочередно то одним, то другим костылем, она закричала на нас:

– Шайка грабителей! Держи их!

Побросав цветы и зеленые яблоки, мы кинулись бежать. Заскочили во двор конторы. Там стоял трактор с прицепом. Мы быстро забрались на тележку и залегли.

Женщина на костылях кружила вокруг прицепа и громко ругалась. Но рабочий день уже закончился, контора и двор были пусты и помочь ей вытащить нас из тележки было никому. А грабители, то есть мы, добровольно сдаваться не собирались... Тетка ещё покричала, постучала костылём по деревянным бортам прицепа и, наконец, ушла восвояси.

ГЛАВА 2

Лето пролетело как один день. Каково же было мое удивление, когда первого сентября я увидела эту злую тетку на линейке в школьном дворе! Она оказалась учительницей по математике, да еще и классным руководителем в Ольгином 2«б» классе!

Ах, эта школа... Поначалу учење давалось мне нелегко. Когда я пыталась в первом классе нарисовать в тетрадке палочку или крючочек, то моя рука вдруг начинала дрожать, палочка получалась очень кривой, а крючок и того хуже. Я рыдала от бессилия.

Но кошмарней всего было, когда мне однажды задали на дом нарисовать кошку и воробья. Рисовала я еще хуже, чем писала и поэтому, после двухчасовых мучений уже была на грани истерики. Тогда мама, рассердившись, взяла у меня альбом и карандаш и начала рисовать сама, говоря при этом, что мое место в интернате для дебилов.

На следующий день, после занятий в школе, я стрелой помчалась домой.

– Мама! – закричала я с порога. – Тебе за рисунок поставили единицу!

Вера взяла у меня альбом и от смеха схватилась за живот. На рисунке был изображен огромный кот, величиной с тигра, и почему-то страдающий сильным косоглазием.

А нарисованный мамой рядом воробей напоминал больше жеребца и по размерам не уступал коту-тигру.

ГЛАВА 3

С первого по третий класс я училась у Новиковой Аллы Львовны. Я не любила свою первую учительницу. Мне не нравилось ее отношение к ученикам. В нашем классе у Аллы Львовны были свои любимчики. Они исправно доносили на одноклассников. Остальным же ученикам крепко перепадало. На девочек моего класса Алла Львовна часто кричала и называла тупицами, а мальчикам стучала согнутым пальцем по голове, на котором сияло широкое обручальное кольцо.

Но особенно невлюбила я учительницу после такого происшествия. Моему робкому однокласснику Андрюше во время урока захотелось выйти в туалет. Мальчик поднял руку.

– Чего тебе? – строго спросила Алла Львовна.

– Можно мне выйти? – жалобно попросил Андрюша.

– Посидишь, потерпишь. Скоро звонок на перемену.

– Ну, пожалуйста! – еще жалостней попросит ученик.

– Сиди, я кому сказала! – закричала тогда Алла Львовна.

Андрей опустил руку. Слезы побежали у него по щекам. А из-под парты потек маленький ручеек на середину классной комнаты.

– Встань, паршивец! – приказала взбешенная учительница!

Андрей покорно встал.

– Выйди вон! Возьми у технички половую тряпку и вытри за собой лужу!

Ученик весь красный от стыда, в слезах пошел искать техничку. Минут через пять он с тряпкой вошел в класс. Ползал под партой на коленях. Андрюша старательно и долго вытирал лужу.

– А теперь иди, отнеси тряпку и поблагодари техничку, – с металлическими нотками в голосе сказала Алла Львовна. – Да не вздумай еще раз сделать лужу. Тогда языком вытирать заставлю!

Андрей, всхлипывая, понес тряпку...

ГЛАВА 4

Когда пришло время принимать, нас в пионеры, к нам в класс в конце урока зашла завуч Наталья Павловна, и бодро так спросила:

– Ребята! Кто хочет вступить во Всесоюзную пионерскую организацию?

Все, кроме одной девочки, подняли руки.

– А ты, Инна, почему не хочешь стать пионеркой? – спросила удивленно Алла Львовна.

– Не хочу, и все! – твердо ответила Инна.

– Ладно, потом разберемся! – сказала Наталья Павловна. – А теперь перейдем-ка лучше к обсуждению кандидатур. Всех вас, конечно, принять не сможем. Кое у кого, например, много двоек, а у некоторых хромает поведение... Сейчас я оглашу список. Кто попал в этот список, купит и завтра принесет в школу пионерский галстук. Не говорите потом, что не слышали!

Завуч зачитала список. Я очень удивилась: в нем значилась и Инкина фамилия, а вот моей – не было.

– Постойте! – не выдержала я. – Вот Инна не хочет быть пионеркой, а она в списке, а я хочу, но меня там почему-то нет!

– Замолчи! – прикрикнула на меня Алла Львовна. – За что тебя принимать в пионеры? Учишься хоть и без двоек,

но и четверок почти нет.

А какая ты неряха! Встань перед классом – пусть посмотрят на тебя остальные. Колготки вечно висят на коленях, а туфли того и гляди – сейчас развалятся!

– Как же так, я хочу быть пионеркой, – бормотала я, вспоминая как год назад, когда мы играли с Вадиком в классики, к нам подбежала Оля. Глаза ее сияли счастьем, а на шею был повязан алый галстук.

– Ой, Оля! Какой у тебя красивый галстук! Ты уже пионерка?

– Да. Мне на линейки его сейчас повязали, – отвечала счастливая подружка.

И мне обязательно на следующий год повяжут, – сказала я.

– А я не знаю, когда мне, – жалобно сказал Вадик, – ведь я еще только в первом классе...

– Ну пожалуйста, примите меня в пионеры, – молила я завуча – я исправлюсь!

– Ну хорошо, – сказала завуч. – Мы подумаем.

И ушла.

После торжественного принятия в пионеры всех списочников и меня в том числе, весь класс с Аллой Львовной и завучем сфотографировали на память. Когда нас снимали, Инну поставили рядом с завучем. Девочке приказали встать так, что бы на фотографии был ясно виден октябрятский значок. Ведь на следующий день после отказа Инны стать пионеркой, не только в классе, но и в школе все узнали, что

Киселева – баптистка, и что она перед едой молится вместе с матерью и младшей сестрой, которая тоже учится в нашей школе, только на класс младше.

В последний момент, когда фотограф весело крикнул: «Внимание! Снимаю!», Инна Киселева успела спрятать свой октябратский значок за спиной впередистоящей Юльки Смирновой.

ГЛАВА 5

В шестидесятые годы сумма в тысячу рублей считалась огромной, и поэтому моей матери пришлось год с лишним работать на полторы ставки, погашая тем самым долг, образовавшийся при разделе дома и имущества с бывшим супругом.

Об отце мы с горькой усмешкой вспоминали лишь тогда, когда почтальон приносила нам раз в месяц алименты, не более 30—40 рублей на обеих дочерей. А то и вообще месяцами ничего не было.

Если мама была на работе, я с сестрой после школы шла к ней в больницу. Она там работала посменно поваром, и мы доедали, что оставалось от обедов, купались в тех же ваннах, что и больные. А когда мама находилась дома, то на обед и ужин мы ели обычно постные борщи. Иногда жена моего дядюшки, если я приходила к ним поиграть с двоюродными сестрами, давала мне с собой десятка два яиц: у них были свои куры.

Дядя Боря, за ужином наливал себе в кружку вино домашнего изготовления из трехлитрового баллона и часто спрашивал:

– Ну что, Анжелка, по отцу не скучаешь? Может с Веркой письмо ему накатаете, чтобы приехал, вас проведет... Да и мать заодно уговорите сойтись, а?

Моя другая тетушка, Вика, уже дважды была замужем, но так и не имела собственных детей. Она часто собирала всех своих племянниц: меня с сестрой и двух дядиных – Катю с Галей, и забавлялась с нами, как могла.

Как-то летом она разрезала нам на ровные дольки огромный десятикилограммовый арбуз и предложила съесть его на скорость. Победителю была вручена плитка шоколада и деньги – целый рубль! Остальным участникам «соревнования» – по пять-десять копеек.

Однажды тетя Вика решила мне сшить летнее платьице. Я пришла на первую примерку. Тетя встретила меня и сказала, что пока она будет шить мне платье, я должна вычистить у нее потолок на кухне и в коридоре.

– Скобли лучше! – предупредила тетя Вика и ушла в комнату.

...Когда я пришла домой, мама спросила, где это я так долго была.

– Пока тетя Вика кроила мне платье, мыла тряпкой ей потолок на кухне, – пришлось мне сознаться.

Мама нахмурила брови и сказала, чтобы я больше не ходила на такие примерки.

– Если тебе надо будет что-нибудь сшить, то мы лучше закажем в ателье, – добавила сердито она.

Мама еще часто говорила нам с сестрой, что она в расцвете своих лет заперлась в больничных стенах, работает как каторжная и не видит света белого.

ГЛАВА 6

Когда мне исполнилось десять лет, я очень хотела дождаться прихода Нового года и загадать желание. Я долго не ложилась спать 31 декабря – все боялась упустить ту минуту, когда Дед Мороз в полночь постучится в дома к людям и ко мне тоже.

– Не мучь себя, иди спать! – уговаривала меня мама. – Я заведу будильник, чтобы ты не проспала. Вот на двенадцать часов ставлю.

Я согласилась и легла спать. Когда зазвенел будильник, я слетела с кровати и кинулась в зал, чтобы поздравить маму с Новым годом. На диване я увидела спящих в обнимку – маму и соседа дядю Женю. Они были голые и совсем не укрытые. Заплакав, я ушла обратно в спальню.

Противный дядя Женя после той ночи к нам больше не заходил, по крайней мере, я его не заставляла дома. Возможно, он испугался, что я могу рассказать о его похождениях жене, тете Лене, и детям, с которыми дружила. Теперь, когда дядя Женя встречал меня на улице, начинал сюсюкать:

– Ух ты, какая красивая девочка – Анжелочка! И добрая, и послушная, и детей любишь нянчить... На тебе двадцать копеек на мороженое!

Но я не брала денег, а с брезгливостью отворачивалась и быстро шла домой.

Я уже было стала успокаиваться от увиденной, потрясшей меня картины, как новая беда свалилась на мою голову: к нам в гости зачастил ещё один мамин ухажер – дядя Петя. Старшая сестра Вера к тому времени, закончив восемь классов, уехала в другой город учиться. Поэтому вести войну с маминим ухажером мне приходилось в одиночку.

Дядя Петя, заявляясь к нам, скромно садился рядом с мамой и смотрел телевизор. Я уходила в другую комнату, а сама через зеркало трюмо внимательно наблюдала за мамой и гостем. Вот он уже полез обниматься к маме. Я нарочно громко начинала кашлять. Мама торопливо откидывала нахальную руку гостя. Минуты через две тот опять лез обниматься и даже целоваться.

В конце концов, я не выдерживала такой наглости, выскакивала из комнаты и орала:

– Тебя, дурака, кто сюда звал? Что ты все время, как банный лист, лезешь к моей маме? У тебя что, своей матери нет? Вот иди к ней и лезь.

Дядя Петя ржал как жеребец, а мама только говорила, качая головой:

– Ой, как некрасиво ты себя ведешь! Мне стыдно за тебя!

– Это мне стыдно?! – кричала я от обиды и начинала плакать.

Мама тут же выпроваживала гостя и принималась «про-рабатывать» меня.

– Что ты вцепилась в меня, как клещ? – стонала она. – О,

Господи! Лучше б я сделала аборт, чем родила тебя! Ведь мне всего сорок лет! Я и так кроме своей каторжной работы ничего не видела. Отпуск не брала уже три года, чтобы вас приодеть и в дом купить что-нибудь. А ты, неблагодарная, устраиваешь истерики! Не смей больше гнать этого человека!..

Теперь, если к нам приходил дядя Петя, меня просто начинало трясти от ненависти. Я, не раздумывая, застрелила бы его, будь у меня пистолет.

Как-то ночью я долго не могла уснуть: жажда мести не давала мне покоя. Вдруг мне почудилось, как в дверь кто-то тихенько постучал.

– Мам, кажется, кто-то стучится, – сказала я, вскочив с постели.

– Да нет, тебе наверное, показалось... Но если хочешь, я сейчас проверю, – отозвалась мама.

Она встала со своей кровати и, не включая свет, пошла к входной двери.

– Кто там? – донесся до меня приглушенный голос мамы.

Хлопнула входная дверь. Еще раз раздалось настороженное мамино «Кто там?».

– Нет никого. Тебе показалось... Давай спи, – успокоила она меня, вернувшись из прихожей.

Я начала было дремать. Но вдруг до моего уха донесся чей-то осторожный шепот. Бесшумно поднявшись с кровати, я на цыпочках, быстро подошла к выключателю и зажгла

свет. На маминой кровати вместе с мамой, в одних трусах, лежал дядька Петька.

Я схватила со стола большую керамическую вазу и запустила в него. Руки, дрожавшие от бешенства, подвели меня и ваза, ударившись в стенку, крупными осколками брызнула у ухажера над головой.

– Ах, ты уже и спишь с ним! – закричала я матери. – Что ж, пожалуйста, спи на здоровье – мешать вам не буду!

Меня колотило, словно в сильном ознобе. Я побежала на кухню – там у нас висела аптечка. Высыпав на скатерть все лекарства, которые лежали в ней, я проглотила их залпом. Потом на глаза мне попался флакон с шампунем. Я и его выпила, морщась от отвращения. Мама, выбежав вслед за мной на кухню, схватилась за голову.

– Что же ты наделала, дура!

– Уйди от меня! – орала я, уже мало что соображая. – Дай мне хоть спокойно умереть! Иди, вон лучше, целуйся со своим Петькой!

Потом у меня началась сильная рвота. Временами я теряла сознание. Помню, мама бегала вокруг меня, причитала:

– Что же ты сделала с собой, глупая!

Она целовала мою голову, мои руки, но я молчала, из последних сил отталкивая ее...

ГЛАВА 7

С месяц дядя Петя у нас не появлялся. Но как-то придя из школы домой, я почувствовала запах табака.

– Кто это у нас был? – спросила подозрительно суемящаяся мать.

– Да дядя Боря заходил, вот и накурил, – ответила она мне, пряча глаза.

Весь оставшийся день я раздумывала, правду ли сказала мне мама. И в конце концов решила сама проверить – не приходит ли проклятый ухажер, пока меня нет дома.

На следующий день, едва прозвенел звонок на большую перемену, я стремглав помчалась домой. Мои тревожные догадки подтвердились. Дядя Петя и с ним еще какой-то забулдыга сидели мирненько на нашем диванчике!

– А, Анжелика! – заорал Петька. – Как ты многолика, черт бы тебя побрал!

– Лучше пусть он тебя заберет, что б ты тут не рисовался больше никогда! – сказала я, и добавила с угрозой. – Когда приду из школы – духу твоего чтоб здесь не было, понял?!

Уходя из дома, я, как можно сильнее, хлопнула дверью...

Вечером мать с дядей Петей пошли в кинотеатр на последний сеанс, а я осталась с Вадиком играть возле дома в классики. Было еще довольно светло, но вдруг подул сильный ветер, небо потемнело. Вадикина мама выбежала на улицу и за-

кричала:

– Вадик! Домой, быстро!

У меня совсем не было желания сидеть одной в пустом доме, и я решила побежать вслед за ним, но вдруг откуда-то появился пьяный прохожий. Широко расставив руки и заметно покачиваясь, он шел прямо на меня. Я быстро развернулась и побежала домой. Только заперла за собой калитку, как мой преследователь стал яростно дергать ручку с другой стороны. Я кинулась в дом. Обернувшись назад, к своему ужасу увидела, как пьяница перелезает через наш забор!

Едва я успела, быстро повернув ключ, запереть изнутри входную дверь, как забулдыга с силой забарабанил в нее.

– Открой! – в бешенстве шипел он. – Открой, а то хуже будет!

Я молча стояла за спасительной дверью и дрожала. Где-то рядом грянул гром и почти сразу же начался сильный ливень. Мужчина с яростью тряс дверь, но она, к моему счастью, не поддавалась. Тогда он нашел во дворе половинку кирпича и разбил им стекло на кухне.

– Сейчас я залезу в окно и тебе будет в сто раз хуже! – сказал с угрозой пьяница, просунув голову в проем.

– Пока ты залезешь в окно, я сто раз убегу! – храбро ответила я, хотя прекрасно понимала, что калитка заперта, и чтобы ее отпереть у меня уйдет целая минута.

– Ладно, – сказал мужчина, – давай договоримся по-хорошему. Ты открываешь дверь и выпускаешь меня...

– С какой такой надобности? – оборвала я его.

– Мы с тобой посидим по-хорошему, выпьем чаю.

– А вы что – мало выпили? – ехидно спросила я.

– Не зли меня! – заорал мужчина и опять задергал дверь.

«Не дай ему Бог выломать дверь! – с ужасом подумала я. – Что он хочет? Украсть у нас нечего. Что я ему сделала? Хотя постой-ка... Кажется сегодня утром... Ну да, – точно! Это же он сегодня был у нас с этим проклятым Петькой, когда я прибежала на переменке из школы!»

– Послушай, детка, – сказал Петькин дружок, как бы читая мои мысли, – надеяться тебе не на кого. Твоя достопочти-мая мамочка с моим другом пошли на двухсерийный фильм. На последний сеанс.

И придут, ой как поздно! А замочек ваш выломать мне пара пустяков. Так что в последний раз по-хорошему говорю: открывай дверь, мне надо с тобой серьезно потолковать.

– Ладно, – поразмыслив, ответила я, – раз надо потолковать – потолкуем! Дверь я вам открывать не буду, а лучше вылезу через это разбитое окно.

Я подошла к разбитому окну и пододвинула к нему табурет. Мужчина помог мне перелезть через окно и, когда я уже стояла на земле, ударил по лицу. Я вспомнила, как поступал Вадька, когда мы с Олькой его били, и встала быстренько на колени.

Сложила молитвенно ладони, прижала их к груди и стала просить пьяницу только не убивать меня.

Петькин дружок рывком поднял меня с колен и зажал мой рот своими губами. Я застонала от боли и чуть не задохнулась от перегара. Потом он поднял меня на руки, лихорадочно бормоча:

– Я понесу тебя к себе домой... Это тут, недалеко, минут пятнадцать ходьбы... Я живу с мамой. Жены у меня нет. Ну и что, что я сидел в тюрьме? Ведь ты же все равно станешь моей женой, правда?

– Конечно, сказала я. – А нам разрешит твоя мама? Ведь мне всего одиннадцать лет.

– Ничего, – шептал мужчина, неся меня по темной, дождливой улице, она у меня добрая...

Из-за поворота неожиданно вывернула автомашина и осветила нас Фарами. Мужчина вздрогнул, руки его ослабели. Я соскользнула ящерицей на землю и изо всех сил бросилась бежать в сторону ярко освещенной улицы. Мой похититель кинулся прочь – в темный проулок.

На центральной городской улице был открыт в этот поздний час только один дежурный магазин. Запоздалые прохожие и парочки влюбленных прятались от дождя под навесом магазина. Сначала я зашла в магазин, но, подумав, что здесь могу не заметить возвращающуюся из кинотеатра маму, вышла на улицу. Промокнув до нитки, я уже не чувствовала холода и скатывающихся по щекам слез...

ГЛАВА 8

Прошло четыре года. Мне исполнилось пятнадцать лет. Каждую неделю теперь я с нетерпением ждала вторника и субботы. По этим дням мы с подругой Катей Веселовой ходили на репетиции в драмкружок при районном Доме пионеров. В драмкружке мне очень нравилось.

С нашей руководительницей Зоей Васильевной мы готовили спектакли, а по праздникам давали представления. Вместе с нами, с девчонками, на сцене выступало, между прочим, и немало мальчишек, которые охотно и увлеченно играли свои роли.

Зимой, во время новогодних каникул, мне поручили роль Снегурочки. Выступать предстояло на сцене районного Дворца культуры.

– Не робей! – напутствовала меня Зоя Петровна перед выходом. – Ведь ты такая красивая девочка. У тебя не должно быть ни грамма скованности! Спокойно, плавно... пошла!

Почти на каждом, столь ответственном спектакле рядом со мною была Катя Веселова.

– Анжелика Маркизовна! Крепитесь! Твой боевой товарищ рядом, – подбадривала она.

Моя лучшая подруга Катя была тайно влюблена в Павлика, который тоже уже давно ходил в наш кружок. Что она – такая умная и даже очень симпатичная, находила в этом Пав-

лике, для меня было загадкой. Роста её кумир был средненького, сам щупленький, волосы светлые и редкие. Глаза его, правда, сразу обращали на себя внимание – большие такие, синие-пресиние.

Как-то Катя показала мне стихотворение, посвященное Павлику. Называлось оно «Твои глаза, как омут». Сквозь всё стихотворение красной нитью проходила мысль, что как не сильны Павликины глаза и не страшны, как омут, она найдет в себе силы справиться с ними.

– Вроде бы ничего, – сказала я. – Только ты ему читать не давай, а то твой Павлик и так нос выше головы задирает.

Через неделю у начинающей поэтессы произошел серьезный скандал с отцом. Кати не было дома, а папа, проверяя содержимое портфеля дочери, обнаружил тетрадь со стихами.

– Это что такое?! – кричал Семен Давыдович, размахивая тетрадью перед Катиным носом. – Потаскуха! Я тебе сейчас покажу «глаза как омут»! Ты у меня сразу в сознание придешь, сразу из головы вся дурь вылетит! Сейчас же садись за уроки! Из дома ни шагу без моего разрешения! Ты меня хорошо поняла?!

Но Катя вместо ответа лишь с силой хлопнула входной дверью.

– Как я завидую тебе, Анжелка! – рыдала вечером у меня на плече подруга. – У тебя нет отца, никто за тобой не гоняется по квартире с ремнем и не кричит: «Ты что, гадина»!

на, без спросу открыла стуженное молоко!». Знаешь, папаша мне даже запрещает дружить с тобой, говорит, что мол, тебя связывает с этой плебейкой? У тебя, мол, есть друзья получше – умные, начитанные, из хороших семей... А я всегда буду дружить с тобой! Ты ведь тоже не бросишь меня, Ангела, да? – говорила Катя, всхлипывая.

– Да, – прошептала я, и мы разрыдались вместе.

Наплакавшись вволю, мы решили отомстить Катиному отцу. И я с важной миссией направилась к Семену Давыдовичу.

На мой стук дверь открыл сам глава семейства.

– Катерины нет дома, – не дожидаясь моего вопроса, холодно произнес Семен Давыдович.

– Знаю. С Катей я только что разговаривала. И она мне, рыдая, сказала, что не хочет так больше жить! Если вы и дальше собираетесь над ней издеваться, то она пойдет в аптеку, купит там какого-нибудь яда и отравится, а я пойду в свидетели! – выпалила я на одном дыхании.

– Вон отсюда! – заревел и затопал ногами Семен Давыдович. – Вон, шантажистка!

– Я-то уйду, но вы еще ответите за свой садизм! Ух, старый козел!

Со всей силы я хлопнула дверью и убежала.

Поздно вечером, когда Катя уже стала устраиваться у нас в доме на ночлег, в дверь постучали. Это был Семен Давыдович. Переговорив с дочерью с глазу на глаз он ушел. А вслед

за ним стала собираться домой и Катя. Конфликт был замят, но я еще долгое время не ходила в гости к подруге: не могла забыть этот скандал и обжигающее слово «плебейка».

ГЛАВА 9

Моя школа по-прежнему, кроме неприятностей, ничего не обещала.

У нашей классной явно не все были дома. Только мы стали учиться после зимних каникул, как она задержала меня после уроков и стада требовать признания в том, что я имею взрослого любовника. Я от удивления только таращила глаза и ничего не могла сказать в свое оправдание.

– Не строй из себя наивную девочку, – строго говорила классная руководительница. – Мне все известно! Я лично видела тебя с мужчиной средних лет.

– Ничего не понимаю, с каким мужчиной?! – лепетала я.

– Вспомни-ка хорошенько! С кем это ты в воскресенье вечером ходила в кино?! Кто с тобой любезно разговаривал и вел под руку из кинотеатра?!

– Ах, вот в чем дело! – наконец дошло до меня. – А вы разве не заметили еще и двух женщин, шедших с нами рядом? Одна из них – моя сестра. Она тоже, к несчастью, училась в вашей школе, а сейчас – замужем. Мужчина же «средних лет» приходится ей свекром. Другая женщина – жена этого любезного мужчины. Надеюсь, мое объяснение вас удовлетворило?

От злости на ненормального педагога я стала пунцовой.

– У вас очень богатое воображение, – добавила я ухмы-

ляясь.

– Ладно, – сказала классная и лицо пошло у нее красными пятнами, – но предупреждаю, что я ещё все это проверю!

...В дворе школы меня ждала одноклассница Алла Манукянц.

– Знаешь Анжел, а я догадываюсь, зачем тебя задержала наша классная!

– Да?

– Не удивляйся, она вчера выведывала у меня, встречаешься ли ты с кем, и есть ли у твоей матери любовник. Я ей ответила, что ты вполне порядочная девчонка, а остальное меня не касается. У моей матери у самой уже третий муж!

В знак благодарности за такую поддержку, я в подробностях поведала Алле о нашей беседе с классной руководителем. Громко посмеявшись, мы разошлись по домам.

А через пару недель меня ждала новая школьная непонятность.

На перемене кто-то из моих одноклассников спрятал портфель. Когда прозвенел звонок на урок, и я вошла в класс, парта была пуста.

– Кто спрятал мой саквояж? – с деланной улыбкой оглядела я притихший класс. – Давайте-ка его скорее, а то сейчас явится литераторша. Ну, пошутили, и будет...

– Да никто его не прятал. Он сам перебежал вон туда, за последнюю парту, – лениво махнул мне Васька Петров.

Раньше Петров сидел со мною за одной партой. Когда мы

учились еще в первом классе, Васька даже плакал от злости, если я дразнила его «пяточком» за курносый нос. Но все же он был добрым и честным товарищем. Возможность убедиться в этом мне однажды представилась.

Как-то я сильно опаздывала на урок, и когда, торопясь, снимала пальто в школьном гардеробе, потеряла золотую сережку. Поначалу я этого даже не заметила. Вася нашел сережку и во время урока пододвинул ее ко мне.

– Петров, – прошептала я, обрадовавшись, – вот урок кончится, я тебя в щечку чмокну! Какой ты молодец!

– Ни к чему эти телячьи нежности, – покраснев, ответил он тоже шепотом...

...Итак, когда я наклонилась, чтобы вытащить из-под чужой парты свой портфель, в класс вошла учительница по русскому языку и литературе.

– Грачева! – неожиданно раздался ее громоподобный голос. – Ты, почему повернулась к учителю своим толстым задом?

Все вокруг дружно заржали, как жеребцы, а Лидия Степановна продолжала выговаривать мне, как ни в чем не бывало.

– Какова хамка! Я стою лицом к классу, а она ко мне – задом!

Я от стыда стала малиновой и, опустив голову, поплелась с портфелем к своей парте. Слезы от обиды и унижения побежали по моим щекам.

– Чего ты реवेशь? – сказал мне Васька, сидевший за моей

спиной. – Встань и уйди!

– А на самом деле, чего я жду? – подумала я и, решительно схватив злосчастный портфель, выбежала из класса, как следует хлопнув напоследок дверью.

Дня через два после этого инцидента у нас в классе состоялось совместное собрание учеников, родителей и педагогов. На него я не пошла, заявив матери, что больше вообще не собираюсь появляться в школе.

С собрания мама вернулась вместе с двумя моими подругами-одноклассницами – Галей Сердюковой и Инной Киселевой. Втроем они стали уговаривать меня не пороть горячку, а учиться дальше, тем более, что все уже замято и Лидия Степановна обещала ко мне больше не придирааться. Я успокоилась и решила пока остаться.

Теперь на уроках русского языка и литература я демонстративно вела себя как вольный слушатель. Могла, например, открыть «Химию» или начать зубрить «Геометрию», а то и вовсе – выкладывала на парту какой-нибудь детективчик. Лидия Степановна тоже демонстративно не замечала моих выходов и редко когда спрашивала меня по пройденному материалу.

Если кто и нравился мне из школьных педагогов, то это, бесспорно, была учительница истории Нина Яковлевна Быстрова. Нина Яковлевна рассказывала нам о своей поездке к мужу в ГДР, где тот находился в качестве советского специалиста. За границей ей больше всего понравилась куль-

тура общения немцев, их честность и доброжелательность.

– Вы знаете, ребята, – делилась своими впечатлениями учительница, – я по привычке заходила в магазин, чтобы просто поглазеть, а мне навстречу каждый раз, приветливо улыбаясь, спешили продавцы, спрашивая: «Чего изволит фрау?». И если мне даже ничего и не надо было, я все равно не могла устоять, покупала предложенный товар – неловко было отказаться!

Когда же мы пытались задать учительнице какой-нибудь щекотливый вопрос политического характера, Нина Яковлевна, шутливо перекрестившись, говорила:

– Бог с вами, ребята! Я от вас ничего не слышала!

На уроках английского языка я себя чувствовала недочеловеком. Кроме алфавита и нескольких десятков слов – ничего не знала. О переводах с русского на английский и наоборот -вообще не могло быть и речи. Но и наша «англичанка», похоже, не особенно-то стремилась выучить нас иностранному языку. Мне порой казалось, что ей было просто скучно заниматься своим делом.

На уроках «англичанка» любила поговорить (по-русски, разумеется) о строительстве БАМа, о том, как работала переводчицей в Египте, о взаимоотношениях между юношами и девушками, о политике, и вообще о жизни. Мы, зная эту её слабость поболтать на отвлеченные темы, поочередно, с невинным любопытством, на каждом уроке старались «завести» ее. Воспоминания или рассуждения длились, как

правило, около получаса. Потом, спохватившись, она торопливо начала объяснять значение новых слов и словосочетаний.

ГЛАВА 10

Несчастливей была и моя первая любовь. Стасик Троянский меня в упор не замечал. Из всех мальчишек в классе он был самый высокий, самый красивый, самый модный и самый ленивый. Обычно, во время урока, Стас вытаскивая из спортивной сумки зеркальце, саму сумку выставляя перед собой на парте, прячась таким образом от глаз учителей, и начинал любоваться собою. В классе за это его давно прозвали «Красавчик Троя». На ироничное прозвище Стас нисколько не обижался.

Однажды Нина Яковлевна после очередного невразумительного ответа Троянского у доски, выводя в журнале жирную двойку, посоветовала:

– Ты бы, Стасик, поменьше собой любовался, а побольше в учебник заглядывал!

– А че в него заглядывать? – огрызнулся Стас. – Только голову себе морочить... В институт я и так поступлю!

– Ты, Троянский, на дядю-то своего надейся, да сам не плошай! – задумчиво сказала Нина Яковлевна, и, подумав, добавила. – А раз от учебников, кроме как засорения мозгов, никакой пользы для твоей особы нет, то я решила больше тебя не беспокоить... Сиди себе, любуйся в зеркальце! Тройку ведь я тебе все равно поставлю – никуда не денуть. Так зачем же мне тебя мучить своими дурацкими во-

просами!

После этого разговора, Нина Яковлевна оставшиеся три месяца до конца учебного года, действительно, так ни разу и не спросила Троянского. Честно говоря, и мои чувства к Стасу после всего этого заметно поколебались.

Мои лучшие подруги – Инна Киселева и Галя Сердюкова и не догадывались о тех любовных страданиях, которые разрывали сердце абсолютно равнодушной к мальчикам, как им казалось, Анжелки.

У Гали – высокой блондинки с большими серыми глазами вне школы жизнь, как две капли воды, была похожа на мою: такие же постоянные скандалы с молодящейся матерью из-за мужчин, навешавших их дом с непременной бутылкой водки.

Инна же, в отличие от нас, вообще не помнила своего отца. Родители разошлись, когда ей было только три, а ее младшей сестренке Любе – всего полтора годика. Мелкие кудряшки и длинный, тонкий нос делали похожей Инну на Александра Сергеевича Пушкина. Киселева училась очень хорошо. Когда в школе объявляли очередной субботник или сбор макулатуры, Инна нам говорила:

– Раз явка строго обязательна, то придется идти! Добровольно не пошла бы ни за что!

Чтобы не ставить подругу в неловкое положение, мы при ней старались с Галей не заводить разговоров на религиозные темы. Над Инной и так в классе почти все смеялись.

Но она держалась с достоинством и не обращала внимание на смешки и шепот за спиной.

Я знала в кого была влюблена моя верующая подруга. Как-то случайно заметила, что когда Киселева оборачивалась, чтобы объяснить задачку, или дать списать упражнение соседу с задней парты, то, «вспыхивала» вся, и не поднимала на Валерку глаз. Понаблюдав еще с неделю, я пришла к окончательному выводу, что ей жутко нравится этот Сапронов.

Валерка, в общем, был неплохой пацан. Учился средне, девчонок не обзывал.

Как-то под настроение я сказала Инне:

– Хочешь, назову имя мальчика, к которому ты неравнодушна?

Киселева засмеялась и ответила, что в нашем классе таких нет.

– Обманывать нехорошо, – укорила я подругу.

И Инна неожиданно покраснела и, вздохнув, сказала:

– Называй!

– Его зовут... Валерка Сафронов!

Киселева схватила меня за руку и пролепетала:

– Неужели это так сильно заметно?

– Для кого как!

Инна от моих слов чуть не упала в обморок.

– Да успокойся ты, – кинулась я утешать её. – Я пошутила!

Никто, кроме меня не знает, а я никому не скажу!

– А как ты догадалась? Ой, прошу тебя, держи мой секрет,

пожалуйста, в тайне! Умоляю тебя!

– Могила, – ответила я...

Через пару месяцев Инна на перемене отозвала нас с Сердюковой в сторону.

– Девчонки, в конце апреля у меня день рождения. Знаете, о чем я мечтаю? О том, чтобы ко мне на день рождения пришел весь наш класс. Будут мои сестры и братья. Они для вас споют и сыграют на инструментах. У нас, как бы это сказать, ну, в общем, существует при собрании свой ансамбль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.